

Ю.Е. Пушкарева

ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕКСТ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК» (1827–1830)

В статье рассматривается малоизученная проблема – итальянский текст, представленный в журнале «Московский вестник». Журнал, основанный кружком любителей, формировал свою концепцию на основе немецкой философии (прежде всего работ Шеллинга) и эстетики романтизма. Тем не менее систематизация материалов «Указателя содержания» и анализ некоторых текстов позволяют утверждать, что в журнале представлен не менее разносторонний образ Италии – в аспектах культуры, философии, науки. Переводы художественных и научных сочинений, рецензии, путевые заметки, касающиеся Италии, составляют значительный пласт материалов «Московского вестника». Журнал внёс важный вклад в русско-итальянский культурный диалог, показав Италию и как романтический миф (страна мечты, красоты, поэзии), и как реальное, освоенное пространство, обладающее культурной и исторической спецификой.

Ключевые слова: «Московский вестник», итальянский текст, любознательность.

История русской философской мысли неразрывно связана с деятельностью Общества любителей – поэтов, писателей и публицистов, популяризаторов европейской философии на почве русского искусства, – основанного и возглавляемого В.Ф. Одоевским. Печатым органом, где сосредоточились члены Общества и их идейные наследники после событий 14 декабря 1825 г., стал журнал «Московский вестник» [1]. Это издание во многом уникально, причём не только из-за энциклопедического характера и «установки на последовательную научность» [2. С. 4], хотя научно-философская специфика провозглашалась и поддерживалась издателем, М.П. Погодиным, идейным вдохновителем Д.В. Веневитиновым [3. С. 418–419], С.П. Шевырёвым [2. С. 105–106]. Последний в «Обзрении русских журналов в 1827 году» открыто противопоставил «Московский вестник» другой отечественной периодике, в первую очередь – «Московскому телеграфу» Н.А. Полевого, который также претендовал на универсальность тематики, но носил более массовый, развлекательный характер [2. С. 107]. Исследователи единодушны в том, что «Московский вестник» «уходит от “пестроты”, целенаправленно избегает всего эмпирического... и сосредотачивается на проблемах философии, истории, эстетики» [2.

С. 108–109]. Такие черты напрямую перекликаются с идеализмом Любомудров, с содержанием статей Веневитинова, Киреевского, раннего Одоевского.

Энциклопедическая ориентация очевидна и при взгляде на содержание конкретных номеров [4], где преобладают русскоязычные и переводные публикации из области истории, филологии, естественных наук, обширные критические обзоры, элитарная художественная литература. Например, в XVI номере за 1827 г. специфике журнала вполне отвечают даже такие «ненаучные» разделы, как «Изящная словесность» (лирико-драматическое стихотворение А. Мерзлякова «Шувалов и Ломоносов», «Отрывки из жизнеописания Наполеонова» В. Скотта), «Смесь» («Об имени киргиз-казанского народа...», «Отрывок из похвального слова Лапласу») и даже «Разные известия» («О ботаническом саду и библиотеке А.К. Разумовского», «О распространении христианства») [4. С. 22–23]. Ещё более яркий пример – II номер за 1827 г., где под одной обложкой с отрывками из «Валленштейнова лагеря» Шиллера и из IV главы «Евгения Онегина» оказывается научная статья В. Титова «О романе как представителе образа жизни новейших европейцев» [4. С. 36]. Трудно не заметить, что журнал улавливает наиболее актуальные тенденции эпохи и систематически обращается к крупнейшим деятелям науки и культуры (кроме уже названных, к ним относятся Гёте, Байрон, Шатобриан и многие другие).

Специфика «Московского вестника» не только в глубине и философичности, но и в судьбе. Характерно, что в первый период существования журнала с ним тесно сотрудничал А.С. Пушкин, напечатавший там тридцать своих произведений [1]. Однако сотрудничество не стало долговечным: Пушкин не всегда сходиллся с Любомудрами в эстетических взглядах (можно предположить, что ему не была близка их чрезмерная умозрительность, а также преклонение перед немецким идеализмом) и с трудом шёл на компромиссы. Тем не менее его сближение с «Московским вестником» – знаменательный факт, доказывающий, что Любомудры в своих исканиях подошли к коренным вопросам русской литературы и общественной жизни. Впоследствии творчество Пушкина (его историзм, внимание к жанру романа и проч.) повлияло на формирование новой, философско-аналитической методологии критики в статьях Веневитинова, Киреевского, Шевырёва [5].

«Московский вестник» просуществовал недолго: идеальные устремления его издателей не выдержали столкновения с действительностью, которая требовала практицизма и борьбы за читательский спрос

[2. С. 244]. Кроме того, остаётся открытым вопрос о том, насколько актуальным для русской жизни был немецкий идеализм, когда начинался зрелый период творчества Пушкина, в литературу входил Гоголь, а в критике уже зрели реалистические искания Белинского. Однако несомненно, что именно любомудры заложили фундамент философской эстетики и вообще популяризации философии в России [5].

Естественно, что содержание «Московского вестника» отразило ориентацию любомудров на европейский опыт: огромная доля материалов – это переводы или анализ зарубежной научной и художественной словесности, а также новости из европейской культурной жизни [4]. Особенно много, конечно, публикаций, связанных с Германией, Францией и Англией; это объясняется историко-культурной ситуацией и философскими взглядами создателей журнала. При этом немецкое наследие выходит на первый план: субъективный идеализм Шеллинга, а также творчество немецких романтиков (Тика, Брентано и др.) и Гёте стали фундаментом изысканий любомудров. Вопросы познания и разума, взаимодействия идеала и действительности, предназначения и восприятия искусства решались ими в «немецком» ключе (яркие примеры – статьи Веневитинова «Письмо к графине NN», «Второе письмо о философии», его же отрывок «Скульптура, живопись и музыка»; гносеологические и эстетические рассуждения в путевых дневниках Шевырёва; художественно-философская проза Одоевского (например, «Русские ночи») и проч.). Значимо также, что многие любомудры (включая названных) переводили Гёте, романтиков (поэтов и новеллистов); Одоевский интересовался Гофманом и во многом придерживался его художественных принципов [5].

Тем не менее взаимодействие «Московского вестника» с западно-европейской культурой не ограничивалось связями с Германией. Интерес создателей журнала к эстетической сфере, попытки философски осмыслить искусство, частые обращения к Античности и эпохе Ренессанса обусловили особый интерес и к тексту итальянскому. Представления о культуре, истории, природе Италии, национальном характере итальянцев обрели в журнале полное и своеобразное отражение. Важно, что это отлично вписалось в историко-литературный контекст эпохи: именно в это время среди русского дворянства начинается активная «итальяномания». Батюшков и Раич переводят итальянскую поэзию [6]; Италией и Римом на всю жизнь вдохновляется Гоголь [7]; в «страну прекрасного» устремляются Жуковский, Одоевский, Шевырёв; ей посвящает стихи Веневитинов... [3]. Зинаида Волконская,

главная «муза» любомудров и хозяйка видного литературного салона, в итоге переезжает туда навсегда и даже принимает католицизм [8]. При этом из романтического мифа (земля живописи, оперной музыки, куртуазной поэзии, где прекрасно всё – от природы до людей и языка) Италия постепенно превращается в реальное, освоенное пространство, в по-новому осмысленный культурный феномен. «Московский вестник» сыграл в этом процессе не последнюю роль.

Согласно Предметному указателю содержания [4] Италия более или менее явно фигурирует в 29 публикациях, которые распределяются по разделам следующим образом: «Изящная словесность» – 11 (из них 7 стихотворений и 4 прозаических произведения), «Смесь» – 6, «Критика» – 6, «Науки» – 5, «Русский театр» – 1. Такое соотношение закономерно: общеизвестно, что Италия воспринималась русской дворянской интеллигенцией прежде всего как страна искусства, край телесной и духовной красоты, своеобразный земной рай (достаточно обратиться к таким текстам, как «Рим» Гоголя, вставные новеллы из «Русских ночей» Одоевского, лирика Баратынского и Веневитинова, многочисленные итальянские травелоги). При этом, несмотря на роль итальянской музыки, живописи, скульптуры, на первый план выходит словесность (как справедливо замечает Э. Маньянини в статье о путевых заметках С.П. Шевырёва, «освоение Италии русскими сначала происходит через литературу» [9. С. 367]). У такой ситуации много причин, начиная от пространственной дистанцированности (как, например, у Пушкина и раннего Одоевского) и заканчивая спецификой романтической культуры в целом, её склонности придавать мирозидительное значение слову. Скрамное присутствие Италии и итальянцев в разделе «Науки», на наш взгляд, не менее логично: «*отчизна вдохновенья*» [10. С. 67], «страна чуда, поэтической мечты... любви» [6. С. 81] неизбежно ассоциировалась скорее с иррациональным, необъяснимым в человеке и жизни, чем с её последовательным, научным освоением.

Художественная литература представлена в первую очередь переводными поэтическими текстами; в их числе анонимные «Яблонь и Лавра», «Валерио», «Лотос» М. Риччи, два перевода отрывков из «Освобождённого Иерусалима» Т. Тассо. К итальянской же сфере составители «Предметного указателя» относят переводы древнеримских авторов: два отрывка из «Превращений» Овидия – «Нарцисс», «Меркурий и Батт», оду Горация «К Венере» (*Carmina* I, XXX) [4]: Италия продолжает традиционно осмысляться как прямая наследница

Античности, колыбель европейской цивилизации. Кроме того, к итальянской поэзии примыкают историко-филологические материалы научного раздела (переведённые «Нечто об Освобождённом Иерусалиме» Шатобриана, а также цикл Аста «Отрывки из курса филологии»: «О Таците», «Греки и римляне», «О Виргилиевой Энеиде»).

Исторический срез античного наследия значительно перевешивает современную итальянскую поэзию, однако «Московский вестник» не обходит вниманием графа Миньято Риччи – заметную в литературной Москве фигуру, друга Волконской и Шевырёва; Риччи не только писал на родном языке, но и переводил на итальянский Державина, Жуковского, Пушкина [10]. Что касается повышенного интереса к поэме Тассо, то это отражение уже сложившейся литературной традиции (вспомним элегии Батюшкова «К Тассу», «Умиравший Тасс», статью «Ариост и Тасс», которые способствовали созданию в русской культуре образа Тассо как обобщённого трагического образа поэта-изгнанника, не принятого миром). Активная рецепция «Освобождённого Иерусалима» ещё и дань уважения итальянскому Ренессансу, ведь к концу 20-х гг. русское сознание уже познакомилось с шедеврами Данте и Петрарки [6. С. 12–13]. Эпоха Возрождения неизбежно выделяется как ещё одна, наряду с Римской империей, ключевая веха в итальянской истории.

Тем не менее даже на страницах энциклопедического журнала Италия не предстаёт лишь как страна с великим прошлым, остановившаяся в развитии. Как и во всей Европе, в ней бурлит жизнь, а современный человек стремится познать мир и осмыслить своё место в нём. Поэтому живой интерес к истории не отменяет внимания к современности (что соответствует идеалистическому историзму издатель журнала), и среди материалов мы находим, во-первых, перевод отрывков из романа А. Мандзони «Обручённые» (выполненный Шевырёвым) и критическую статью об этом произведении, а во-вторых, свидетельства разностороннего развития итальянской науки (например, публикация М.П. Погодина о «Философии статистики» М. Джиджойи, заметка «О Ватиканской библиотеке» и т.п.). К последним примыкают те научные сочинения, которые созданы не итальянскими авторами, но базируются на итальянском материале (например, критика книги Селтля «Жизнь Цезаря по историческим документам» или «Взгляд на историю дипломатии» И.И. Данилевича).

Стоит отметить, что Мандзони – единственный итальянец-прозаик, попавший в орбиту «Московского вестника», и вряд ли это

лишь случайность или следствие его известности: «Обручённые» (1827) – «одна из вершин... европейского исторического романа эпохи романтизма» [11. С. 218], где каноны романтической литературы в духе Скотта (провиденциализм, дидактическая религиозность, поэтика контраста) переплелись с новыми, реалистическими тенденциями. Любомуудры придавали огромное значение жанру романа: он привлекал их «универсальностью», а также «изначально заложенными в нём возможностями самобытности, народности» [2. С. 167]. От такой концепции издателей, безусловно, тянутся нити и к их преклонению перед зрелым творчеством Пушкина.

Другим аспектом современной духовной жизни, напрямую связанным с Италией, конечно, является музыка, а в контексте «Московского вестника» – музыкальный театр. Так, в журнале размещена рецензия С.Т. Аксакова на оперу-водевиль «Чудные приключения и удивительное морское путешествие Пьетро Дандини», переведённую с французского [4. С. 100] (к сожалению, нам не удалось выяснить, был оригинал написан по-французски или французский только язык-посредник при переводе с итальянского). Насколько можно судить по лаконичному тексту рецензии, в водевиле фигурировали персонажи с итальянскими именами (Пьетро, Фретино и т.д.), а вся постановка была выдержана в духе традиционной итальянской комедии дель арте с фарсовыми ситуациями, переодеваниями, волшебными превращениями (*«много остроумных, колких и даже глубоких мыслей, завёрнутых в шутовские слова»* [12]). Такая лёгкость порождает ироничные интонации рецензента (*«нельзя не заметить, что Истина, Нереида, реки и речки были одеты по-домашнему»* [12]) и неоднозначность итоговой оценки (*«проза разговорна, и некоторые куплеты написаны легко и замысловато; жаль, что встречается довольно плоских шуток и каламбуров»* [12]).

Однако наиболее репрезентативными, в некотором смысле итоговыми (они напечатаны уже в последний год существования журнала) текстами по отношению к образу Италии можно считать путевые заметки русских литераторов-путешественников – С.П. Шевырёва и княгини З.А. Волконской [4. С. 100]. Оба были тесно связаны с Италией биографически: Волконская уехала во Флоренцию в 1829 г. и затем, поселившись в Риме, до конца жизни лишь трижды возвращалась в Россию [8. С. 186–187], Шевырёв же впервые прибыл в Италию в составе свиты княгини, как воспитатель её сына, и оставил

множество писем, дневников и воспоминаний о своих визитах туда [9. С. 363–364].

Русский травелог, имеющий давнюю историю и уходящий корнями в древнерусские хождения, в XVIII – XIX вв. переживает кардинальные перемены [13. С. 5–20]. Бытовое восприятие действительности у авторов-путешественников начинает сложно взаимодействовать с эстетическим, причём второе часто превалирует над первым, затрудняя разграничение индивидуального опыта и культурных стереотипов, подлинности и вымысла [13. С. 196–204]. На фоне же столкновения сентиментализма с романтизмом, традициями просветительской литературы и стернианской игрой с текстом восприимчивый русский травелог представляет собой по-своему уникальное, очень эклектичное жанровое образование [13. С. 196–204]. Часть этих особенностей, на наш взгляд, отразилась и в произведениях Шевырёва и Волконской, напечатанных в «Московском вестнике», несмотря на их внешнюю простоту.

Отрывки из дневника Шевырёва, озаглавленные «Отрывки из дневника. Прогулка русского путешественника по Помпее в 1829 году», появились в журнале в разделе «Смесь» и разделёнными на две части [4. С. 100]. Первое обусловлено, скорее всего, их объективным, очерковым характером, который не позволил издателям разместить текст в «Изящной словесности», а второе – достаточно крупным объёмом. В фиксации своих впечатлений автор старается свести к минимуму субъективность и описать увиденное исчерпывающе подробно. Этому способствует скрупулёзная детализация с обилием эпитетов (из описания «дома Саллюстия»: *«На стене видна живопись, изображающая клетчатую решетку, переплетённую виноградом... и голубое небо»* [14]; из описания бани в «доме Поэта»: *«Это большая ротонда, невысокая; потолок украшен барельефами; в стенах полукруглые ниши, где, вероятно, были статуи. Почти в величину самой ротонды... круглая, беломраморная ванна, куда сходят по ступеням. В нее втекала вода из бронзового языка, вделанного в стену...»* [14]). Иногда создаётся впечатление, что путешественник «захлёбывается» в подробностях, не в силах полностью охватить величие древнего города и попытаться выразить его хотя бы в количественных эквивалентах (об амфитеатре: *«В нём могло заключаться 20000 человек... Он имел 40 выходов больших и 57 малых...»* [14]). Эффект предельной объективности достигается также с помощью развёрнутых примечаний и исторических экскурсов (*«Во многих памятниках Помпеи вы заме-*

тите большое разрушение. Дело в том, что извержению 79-го года... предшествовало страшное землетрясение в 63-м году при Нероне» [14]), аутентичных латинских названий («*Всё тот же широкий двор, или atrium, с портиком, окружающим покатым к центру impluvium (дождеём)...*» [14]).

Тем же целям служит сама жанровая принадлежность: Шевырёв выстраивает именно прогулку, на которую приглашает читателя. Так, в тексте часты обращения («*Вот и кончено наше гулянье по городу, друзья мои*» [14]), он весь пронизан глаголами движения («*Входим направо в дом виллы...*»; «*Поворотив* немного влево, мимо публичного фонтана *идем* прямо по улице и опять налево» [14]), визуальными образами и словами с семантикой чувственного восприятия («*Вышел из теплой бани, можно было умыть лицо в этом бассейне холодной водою*»; «*Нет ни одного дома без живописи, и пестрота в красках чрезвычайная*» [14]). При этом реконструируется не только современное, но и древнее состояние пространства: от лица повествователя происходит своеобразное оживление мёртвого («*В середине амфитетра пустое, плоское полукруглое место... Около его-то... возлежали правительственные чиновники*»; «*Здесь <...> останавливались путешественники, судя по тому, что в конюшне найдены... остатки тележки и железные круги колёс*» [14]).

Но именно в результате такого «оживления» автор вступает на опасную границу, за которой объективность утрачивается. Очень часто повествователю, поглощённому впечатлениями, не удаётся сохранить отстранённость. Картина Помпеев вызывает у него живой эмоциональный отклик, с которым он тщетно пытается справиться («*Миллионы поколений приходят на их гроб учиться, воспоминать и в дань благодарности благословляют их память! Но <...> скажем ясную прозою, что Помпея... сохранилась под пеплом Везувия точно так же, как сохраняют в России виноград под просом*» [14]). Впрочем, сознательное сведение к «прозе» поэтического предмета не отменяет восторженных восклицаний в романтическом духе и философской рефлексии о единстве прошлого и настоящего («*Древность, не избежавшая времени и человека, двух соперников в разрушении, спаслась под пеплом истребительного Везувия. Сокровище науки искуплено кратким бедствием человечества*» [14]). Так Италия в тексте Шевырёва становится точкой пересечения не только разных эпох, но и разных литературных стилей, моделей мышления. Закреплённый в культуре стереотип Италии органично соединяется с индивидуаль-

ным, личностным её переживанием и порождает образ, мерцающий на грани реальности и воображения; не случайно завершается текст пассажем о «мечте, любовнице развалин» [14].

Однако значительно более эмоционален текст княгини Волконской, опубликованный в журнале под названием «Отрывки из путевых записок...» [4. С. 100]. Характерно, что в определении жанра уже не фигурирует слово «дневник», но субъективный компонент в осмыслении образа Италии не менее силён, чем у Шевырёва. Что касается установки на *отрывок*, то она выражена ещё ярче: текст состоит из коротких датированных записей, фиксирующих этапы пути в Италию из Германии («*Падуя. Мая 25*»; «*Тоскана, Пиза. 12-го июля*» [15]). Это создаёт эффект движения, постепенного углубления в страну (как в пространственном, так и в духовном смысле), отличающийся от эффекта статики в тексте Шевырёва («*Чем едешь далее, тем более природа теряет свою жестокость; реки текут в Италии свободнее, легче... цвет взоров превращается из небесного в черный, как уголь*» [15]).

По мере продвижения с севера на юг копятся впечатления повествовательницы; они не просто позитивны, но подтверждают сложившееся в русской культуре представление об Италии как о земном рае, желанной, утопически-прекрасной земле («*Природа и возделывание – все в Италии согласно и прелестно для взора*»; «*Диалект венецианский мил, как лепетание ребенка, и наполнен, как он, природною поэзией*» [15]). Все её атрибуты возвышаются и поэтизируются: природа («*Берега Арно угощают жителей золотыми колосьями, черным виноградом... Так на Горациевых пирах столы гнулись под богатыми дарами садов...*» [15]), культура («*Древним Джиотто, законодателем правильного рисунка, расписана алфреско вся церковь...*» [15]), люди («*Нрав народов, говорящих на диалекте венецианском, так как и их наречие, приятен и приветлив*» [15]). Кажется, что безобразию или жестокости в Италии просто нет места: в каждой детали – гармония телесной и духовной красоты.

Эта гармония обуславливает и постоянное сопряжение природных и культурных мотивов, которые легко переходят друг в друга: горный пейзаж сливается с размышлением о Петрарке, а иносказательное изображение Тосканы перетекает в пересказ мифа о Ниобе и описание его скульптурного воплощения. Постоянное обращение к культурным реалиям (причём не только итальянским, но так или иначе относящимся к Италии: «*имя твое, Венеция, звучит на золотой лире Байрона. Стихи великого Поэта есть неприступный, неразрушимый пан-*

теон» [15]) вызывает уже рассмотренное нами мерцание подлинности и вымысла, литературного восприятия реальности («*На кремне высоком и прямом висит развалина замка... как замок Безымянного в романе Манзони*»; «*Вся Тоскана – Вергилиева эклога*» [15]). При этом неясно, что же в итоге является первостепенным – Италия как личный опыт или Италия как культурный миф.

Тем не менее ни риторичность стиля, ни обращение к романтической и сентименталистской образности не лишают Италию Волконской конкретного, эмпирического характера («*Весёлые поселанки, черноглазые, в красивом убранстве, плетут соломѹ и готовят... лёгкие шляпы <...> на голове северных златовласых цариц они осеняют высокие думы, и над ними веют гибкие перья белого лебедя или златится райская птица*» [15]). Пластичность образов регулярно проявляется в широкой цветовой гамме, звуковых рядах и т.д. Иногда чувственная поэтизация достигает вершины, и проза метрически и фонически ритмизируется, почти превращаясь в стихи: «*Венеция, некогда гордая невеста Океана! <...> Как часто я летала по твоим каналам и мечтала видеть в черных продолговатых гондолах то сны прошедшей твоей славы, то образ скоротечных часов живых ночей итальянских!*» [15]

Важен в тексте Волконской, как и у Шевырѣва, историко-философский компонент. Например, регулярно соотносятся по принципу контраста Север и Юг, причѣм предпочтение всегда субъективно отдаѣтся последнему («*Переход из Тироля в Италию напоминает мне переход среднего и сурового века в изящный век Медицисов*»; «*пестрота и нелепость произведений грубых изменяются в простые и приятные формы...*» [15]). Кроме того, ненавязчиво задевается широкий спектр проблем и вопросов, якобы случайно навеянных тем или иным дорожным впечатлением: Италия становится катализатором постоянных размышлений, поводом к духовной деятельности («*Всякая наука требует времени и таланта; сколько же более нужны они в познании народа и человека?*»; «*Сколь часто формы религии отделены от чувства ея*» [15]). Интересно, что позиция Волконской в этом отношении принципиально иная, чем у Шевырѣва: в тексте декларируется превосходство чувства над фактом, приоритет личного опыта («*Оставим тяжѣлые и холодные изыскания историку и археологу <...> Учѣные! Не разоряйте народного богатства, когда ничем не можете заменить его; о том вас просят и отечество и поэзия*» [15]).

Историософская линия достигает апогея в финальном отрывке о Ниобе, где в общий узел стягиваются разбросанные по тексту мысли о судьбе, любви, предназначении искусства и человека. При этом в подтексте возникает явное соотнесение Ниобы и Италии: начало записок, где Италия горестно осмысливается как прекрасная, но ослабевшая, лишённая единства и могущества («*Для чего же ты так прелестна, для чего не так же сильна?*» [15]), перекликается с финалом, объединяющим образы мифологической Ниобы, которая окаменела, утратив любимых детей, и жены русского консула, вместе с детьми погибшей во время шторма. Так создаётся композиционное кольцо со сложной системой символов и аллюзий, в которую вложен намёк на итальянскую политическую ситуацию.

Таким образом, Италия полно и разнообразно представлена на страницах «Московского вестника»; она осмысливается в широком спектре текстов разной жанровой, стилевой, культурной принадлежности. Безусловно, журнал бывших Любомудров стал важной ступенью в восприятии итальянского текста русской культурой.

Литература

1. *Московский вестник* [1827–1830] // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / гл. ред. А.А. Сурков. 1967. Т. 4 [Электронный ресурс] // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). Электрон. дан. М., 2002. 2014. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/KLE-abc/ke4/ke4-9913.htm> (дата обращения: 10.10.2014).
2. Морозов В.Д. «Московский вестник» и его роль в развитии русской критики. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1990. 263 с.
3. Маймин Е.А. Дмитрий Веневитинов и его литературное наследие // Д.В. Веневитинов. Стихотворения. Проза. М., 1980. С. 403–459.
4. Попкова Н.А. «Московский вестник». Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827–1830: Указ. содерж. Саратов: Зональная научная библиотека Саратов. ун-та, 1991. 112 с.
5. Манн Ю.В. Русская философская эстетика (1820–1830-е годы). М.: Искусство, 1969. 302 с.
6. Крюкова О.С. Италия в русской поэзии XIX века / предисл. А.П. Лободанова. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 144 с.
7. Джулиани Р. Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования / пер. с ит. А. Ямпольской. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 288 с.
8. Сайкина Н.В. Московский литературный салон княгини Зинаиды Волконской. М.: Наука, 2005. 295 с.
9. Маньячини Э. Италия Степана Шевырёва // Образы Италии в русской словесности XVIII–XIX вв. / под ред. О.Б. Лебедевой, Н.Е. Меднис. Томск, 2009. С. 363–372.
10. Базанкур О. Г. Переводчик Пушкина – Риччи [Электронный ресурс] // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). Элек-

трон. дан. М., 2002–2014. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/KLE-abc/ke4/ke4-9913.htm> (дата обращения: 10.10.2014).

11. Сапрыкина Е.Ю. Алессандро Мандзони // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького / гл. ред. Г.П. Бердников). М.: Наука, 1989. Т. 6. С. 218.

12. Аксаков С.Т. Внучатый племянник, или Остановка дилижанса... Чудные приключения и удивительное морское путешествие Пьетро Дандини... [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова. [Электрон. дан.]. М., 1994–2014. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_s_t/text_0160.shtml#26 (дата обращения: 10.10.2014).

13. Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840 / пер. с англ. Д. Соловьёва. СПб.: Академический проспект, 2004. 272 с.

14. Шевырёв С.П. Прогулка русского путешественника по Помпее в 1829 году. Письмо 1 [Электронный ресурс] / С.П. Шевырёв // Литература и жизнь. [Электрон. дан.] URL: http://dugward.ru/library/shevyrev/shevyrev_progulka.html (дата обращения: 10.10.2014).

15. Волконская З.А. Отрывки из путевых воспоминаний [Электронный ресурс] // Литература и жизнь. [Электрон. дан.] URL: http://dugward.ru/library/zolot/volkonskaya_otryvki.html (дата обращения: 10.10.2014).

ITALIAN TEXT ON THE PAGES OF THE MOSKOVSKY VESTNIK JOURNAL (1827–1830)

Pushkareva Yuliya E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pial1@yandex.ru.

Imagology and Comparative Studies, 2015, 1(3), pp. 29–42. DOI: 10.17223/24099554/3/2

Keywords: Moskovsky Vestnik, Italian text, the Lubomudres.

The *Moskovsky Vestnik* journal founded by the members of the former Lubomudres society (D.V. Venevitinov, V.F. Odoevsky, M.P. Pogodin, S.P. Shevyrev took part in its creation) has unique contents and history. Its publishers aimed at Russian mass readers' acquaintance with foremost thoughts of the epoch. Working out of Russian metaphysics language, popularization of philosophy (mainly German) and usage of philosophical methods in aesthetics and critique had already become the Lubomudres' mission. This search reflected in their publicism (articles of Shevyrev, Rozhalin, Kireevsky, Titov) and creativity (prose of Odoevsky, Pavlov, Pogodin; poetry of Venevitinov and Shevyrev, etc.). However, *Moskovsky Vestnik* became a way to pass new ideas towards public.

The journal had a serious scientific orientation, so it lost the struggle for readers' demand for entertaining editions and did not exist for a long time. Nevertheless, its materials (according to texts themselves and to "The Context Index" created by N.A. Popkova) point at its important role in Russian culture. Particularly, *Moskovsky Vestnik* promoted cultural dialogue between Russia and Europe, not only with Germany and France, but also with the less "familiar" Italy.

The interest to aesthetic problems (issues of art aims, art reception, connections between creativity and cognition) stimulated Lubomudres' appeal to Italian culture: in romantics' opinion, Italy associated with beauty as a phenomenon and was the "homeland of arts". Russian culture of the first third of the 19th century discovered Raphael's and Botticelli's painting, Rossini's and Donizetti's music, Italian literature (Dante, Petrarch, Tasso, Goldoni, etc.). A lot of Russians translated from Italian (e.g. Batushkov, Raich), showed Italy in their texts (Odoevsky, Venevitinov) or traveled there for inspiration and new experience (Gogol,

Shevyrev, Princess Volkonskaya, the “muse” of the Lubomudres). All of these actions helped to interpret Italy as a romanticism cultural myth and as a specific real space.

Italian text appears in different sections of the journal (“Belles-lettres”, “Critique”, “Mixture”, “Science”, “Russian Theatre”). Translations are mainly from Ancient Rome poetry (Ovid, Horatio), because Italy was thought to be the heir of Rome, and from poetry of the Renaissance. However, modern prose is also included, e.g. fragments of the novel *The Betrothed* by A. Manzoni; Lubomudres paid particular attention to it. Historical and philological materials about Ancient Rome literature and Tasso refer to this block as well. Italian science is also mentioned (the review of M. Gioya’s book), as well as foreign publications devoted to Italy (e.g. historical research about Caesar by M. Seltl).

An important aspect of Italian text is musical theater, which is shown by S.T. Aksakov’s review. Its analysis helps to see Russian ideas about Italian culture (its risorial and carnival traits) and about commedia dell’arte. Another tendency is reflected by Russian travel notes (written by S.P. Shevyrev and Z.A. Volkonskaya). In their texts Italy is a space understood not only through theoretical conclusions and cultural clichés, but also through personal experience. Besides, the author’s point of view decides much, as well as his or her style: objective and factual one of Shevyrev, subjective and poetic one of Volkonskaya.

Therefore, *Moskovsky Vestnik* is an important step in the Russian perception of Italy as a historical and cultural phenomenon.

References

1. A.K. (1967) *Moskovskiy vestnik* [1827–1830]. In: Surkov, A.A. (ed.) *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya v 9 tt.* [Concise Literary Encyclopedia in 9 vo.]. V. 4. [Online]. Available from: <http://feb-web.ru/feb/kle/KLE-abc/ke4/ke4-9913.htm>. (Accessed: 10th October 2014).
2. Morozov, V.D. (1990) “*Moskovskiy vestnik*” i ego rol’ v razvitii russkoy kritiki [Moskovsky Vestnik and its role in the development of Russian critique]. Novosibirsk : Novosibirsk State University.
3. Maymin, E.A. (1980) Dmitriy Venevitinov i ego literaturnoe nasledie [Dmitry Venevitinov and his literary heritage]. In: Venevitinov, D.V. *Stikhotvoreniya. Proza* [Poems. Prose]. Moscow: Nauka.
4. Popkova, N.A. (1991) “*Moskovskiy vestnik*”. *Zhurnal, izdavaemy M. Pogodinym. 1827–1830: Ukaz. soderzh.* [Moskovsky Vestnik. A journal published by M. Pogodin. 1827–1830: The context index]. Saratov: The Zone Scholarly Library of Saratov University.
5. Mann, Yu.V. (1969) *Russkaya filosofskaya estetika (1820 – 1830-e gody)* [Russian philosophical aesthetics (1820s–1830s)]. Moscow: Iskusstvo.
6. Kryukova, O.S. (2002) *Italiya v russkoy poezii XIX veka* [Italy in Russian poetry of the 19th century]. Moscow: Editorial URSS.
7. Giuliani, R. (2009) *Rim v zhizni i tvorchestve Gogolya, ili Poteryannyy ray: Materialy i issledovaniya* [Rome in Gogol’s life and creativity, or The Lost Paradise: Materials and research]. Translated from Italian by A. Yampol’skaya. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Saykina, N.V. (2005) *Moskovskiy literaturnyy salon knyagini Zinaidy Volkonskoy* [Moscow literary saloon of Princess Zinaida Volkonskaya]. Moscow: Nauka.
9. Manyanini, E. (2009) *Italiya Stepana Shevyreva* [Italy of Stepan Shevyrev]. In: Lebedeva, O.B. & Mednis, N.E. (eds) *Obrazy Italii v russkoy slovesnosti XVIII-XIX vv.* [Italian images in Russian literature of the 18th and 19th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.

10. Bazankur, O.G. (n.d.) Perevodchik Pushkina – Richchi [A translator of Pushkin – Ricci]. In: *Fundamental'naya elektronnaya biblioteka "Russkaya literatura i fol'klor"* [Fundamental electronic library Russian Literature and Folklore]. [Online]. Available from: <http://feb-web.ru/feben/pushkin/serial/v41/v41-424-.htm>. (Accessed: 10th October 2014).
11. Saprykina, E.Yu. (1989) Alessandro Mandzoni [Alessandro Manzoni]. In: Berdnikov, G.P. (ed.) *Istoriya vsemirnoy literatury: V 8 tomakh* [The world literature history: In 8 v.]. V. 6. Moscow: Nauka.
12. Aksakov, S.T. (1830) *Vnuchatyy plemyanik, ili Ostanovka dilizhansa... Chudnye priklyucheniya i udivitel'noe morskoe puteshestvie P'etro Dandini...* [The grand-nephew, or The stop of a stage-coach... Miraculous adventures and amazing sea travel of Pietro Dandini . . .]. [Online]. Available from: http://az.lib.ru/a/aksakow_s_t/text_0160.shtml#26. (Accessed: 10th October 2014).
13. Shenle, A. (2004) *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoy literatury puteshestviy. 1790–1840* [Truthfulness and fiction in the author's self-consciousness of Russian travel literature]. Translated from English by D. Solov'ev. St. Petersburg: Akademicheskij prospekt.
14. Shevyrev, S.P. (1830) Progulka Russkogo puteshestvennika po Pompee v 1829 godu. Pis'mo 1 [A Russian traveler's walk at Pompeii in 1829. Letter 1]. *Literatura i zhizn'*. [Online]. Available from: http://dugward.ru/library/shevyrev/shevyrev_progulka.html. (Accessed: 10th October 2014).
15. Volkonskaya, Z.A. (1829) Otryvki iz putevykh vospominaniy [Fragments from travel memories]. *Literatura i zhizn'*. [Online]. Available from: http://dugward.ru/library/shevyrev/shevyrev_progulka.html. (Accessed: 10th October 2014).